

Свет был лёгким

Запах яблок пенисто-спелых в темноте налетал, как испуг.
Он касался рук моих бело, трепетал у опущенных рук.
Ересь яблок кислых порубленных в темноте, где ни
ветерка, –
возле оборок юбки, тяжелеющей к сумеркам.
Из травы тёмной мягкой не вырыть, не стереть, не
побороть:
он въедался в земную сырость, он въедался в мою плоть.
В темноте по локоть, как в торфе, – и свечой замираешь
в нём –
трепыхался в белых оборках, и горели зелёным огнём
эти яблоки в сумерках поздних, оседающих на лице.
Свет был лёгким – как жизнь, как воздух –
и уходил в конце.

* * *

Долговязые зимы.
Утра сбитень парной.
Желтые серафимы
С голубою спиной.

Утренняя полька
Птички в ящике.
И, как долька к дольке,
Пальцы спящего.

Как прилежная чтица
Обводила губой
До мизинца синицы –
Лес голубой.

* * *

Дальше от платформы, ближе чуть к казарме:
Щебня скрип зубовный, два бредущих парня.
Режется пластами хлеб, балык значенный –
Мальчики устали, сели в мать-и-мачехи.
Шпарило по гравию солнце и по щавелю;
Обойдя наградою, обошло пощадой.
Сигарета плавилась, и звала тех мальчиков –
Аина и Кавеля – Мать-земля-и-мачеха.

* * *

Чёрное поле. Райские птицы. Необжитое – с гнильцою
темницы –
поле ржаное, сырая солома едва ли святому становится
домом.
Солома померкла, но гроздья –налиты... Ветер поверху – и
спишь как убитый.
Горькие птицы, птицы на горку... Волосы слиплись
Святого Георгия
в душную ветлу, простывшую иву... –
в город ли Белгород, в город ли Киев.

* * *

Мать на могиле бабушки: запарившись, как на бегу,
окрашивала размашисто чернозёмный чугуи.
Выпалывала лебеду.

Потные белые локти. Сныти свечные зги.
Краска блистала, как дёготь, и обнимали ноги резиновые
сапоги.
И всхлипывали сапоги,

Когда с молодой силой крушила вокруг дичка
стебли нарядной крапивы и венерина башмачка.

Как убежать ни пытайся – камаринская канитель,
и, одуревши, тряся (обмирая от краски)
возле неё тёплый шмель.

Скользящие слёзы – как надо,
на шее тяжель янтаря.
Красные, как помада.
Чёрные, как земля.

о любви и воскресении

от стыхлых полей, прогорклой коры,
мимо ума промелькнувшего времени –
от этой пустой и сладкой поры –
какое смятение.

безместного дыма и влажных садов,
от «Ста стихотворений...» –
какая здесь путаница, переполох –
смятение.

где растёт одно слово – вырастить сад,
сад, пригоршню и россыпь.
птицы трещат и трепещут, спешат –
и качается воздух.

ветер мял и чернил и валил облака,
и от ветра сухого горения
воспалённо и нежно касалась рука –
в день воскресения.

и не медля и не торопясь убежать
между веток мелких и частых, –
всё дрожит на земле – и чернее стрижа
солнце,
облако,
обещание счастья.